
ЯН ШОРОХ
ЭФИР
18+

Ян Шорох
Ян Шорох "Эфир"

https://litres.ru/74719412
SelfPub; 2026

Аннотация

Цифра на экране становится зарплатой. Сообщение — началом любви. Несколько строк в базе решают, получит ли человек лечение. Мы называем этот мир виртуальным, хотя последствия в нём давно настоящие.

Что бы вы сделали, если бы могли менять его одной мыслью?

В семнадцать лет Артём обнаруживает, что может вмешиваться в цифровой мир. Сначала ему нужно совсем немного: помочь маме, защитить друга, перестать считать деньги. Но его возможности растут, и всё труднее найти причину ими не пользоваться.

Вы бы удержались от соблазна прочитать чужую переписку? Исправить несправедливость? Устроить жизнь любимого человека так, чтобы у него больше не было повода грустить — или уходить?

«Эфир» — роман о власти над миром, в котором мы уже живём. И о границе, которую легко переступить, если каждый следующий шаг кажется правильным.

Вы ведь заметили бы эту границу?

Артём тоже так думал.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ШУМ 4
ПРОЛОГ. Круг 5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Тихая ночь 9
ГЛАВА ВТОРАЯ. Глюк 15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Проверка 25
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Радиус 34
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Ян Шорох "Эфир"

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ШУМ

⁂

ПРОЛОГ. Круг

Из полугодовой сводки по нетипичным происшествиям. Раздел «Прочее». Восемь строк между угоном мопеда и жалобой на шум.

1. Банкомат, ул. Строителей, 14. Недостача 78 000 руб. (780 купюр номиналом 100). Журнал операций за вечер пуст: выдач не зарегистрировано. Корпус не вскрыт.

2. Три камеры (двор д. 14, магазин, остановка). Утрата записи 40 мин. Единый интервал. Следов удаления нет: файлов не существовало.

3. Школа № 27. Одновременное открытие всех турникетов (11 шт.), 08:14. Питание в норме. Повторить не удалось.

4. Кофейный автомат, ГКБ № 3, приёмный покой. Самопроизвольная выдача. Заявка на ремонт отозвана: неисправность не выявлена.

Мелочь. Из такого никто не собирает картину, потому что картины тут нет.

⁂

Волкова собрала.

Был апрель, а батарея в кабинете жарила, как в январе, и окно стояло приоткрытым. Волкова прочитала сводку дважды. Потом взяла карандаш и стала выписывать на полях адреса.

Рудаков заглянул в половине седьмого — в куртке, с ключами от машины.

— Ты ещё здесь.

— Иди сюда.

Он вздохнул так, чтобы она услышала, и подошёл. Они сидели за соседними столами пятнадцать лет — с тех пор как оба пришли в отдел, она старшей, он младшим, и оба лучшими. Вздыхать при ней он себе позволял. Отказывать — нет.

На столе лежала карта города. Волкова поставила на неё четыре точки.

Точки легли в круг диаметром три километра.

Рудаков посмотрел на круг секунды три. Ему больше и не требовалось — в этом он был сильнее её, и оба это знали.

— Банкомат — софт, — сказал он. — Журнал пустой, значит, выдавали мимо журнала. Камеры — то же самое: стёрли чисто. Турникеты — это вообще смешно. Школьник. Сидит дома, развлекается. Я таких за прошлый год троих закрыл.

— Возможно.

— Не «возможно». Ну а кто ещё?

Волкова провела пальцем по кругу.

— Меня смущает автомат.

— Автомат? Из всего этого — автомат?

— Смотри журнал. Три пятьдесят две — принимает пятьдесят рублей и не выдаёт стакан. Четыре ноль четыре — выдаёт стакан. Без оплаты. Панель никто не трогал. Мастер

приезжал, неисправности нет.

— Ну и что?

— Кто-то стоял там ночью. Сунул полтинник, автомат его съел. А через двенадцать минут налил.

Рудаков засмеялся — не над ней, а так, как смеются, когда устали и хотят домой.

— Марин. Полтинник.

— Вот именно.

Она положила ладонь на карту и накрыла круг целиком.

— Тот, кто вынес из банкомата семьдесят восемь тысяч, полез разбираться из-за пятидесяти рублей. Хакеру на полтинник плевать, Глеб. На полтинник не плевать только тому, у кого его отняли.

Рудаков перестал смеяться. Он постоял над картой, позвенел ключами. За это он её и ценил: она видела то, чего не видел он. А он находил то, чего не находила она. Так они и работали пятнадцать лет.

— Ладно, — сказал он. — Завтра запрошу у банка логи. Если там свой человек — с тебя коньяк.

— А если нет?

— Тогда с меня.

Утром банк ответил, что сбой программный, ущерб покрыт страховкой, а заявление отзывается. Дело заводить было не из чего.

Про второй банкомат, у вокзала, где через четыре дня после первого недосчитались трёхсот пятидесяти двух тысяч,

в сводке не было ни строчки. Тот банк списал недостачу на инкассаторов и в полицию не пошёл. Волкова узнала о нём только через четыре года.

Рудаков принёс ей кофе из автомата в коридоре.

— Нет дела — нет коньяка, — сказал он и ушёл на выезд.

Волкова надписала папку, поставила дату и убрала её в нижний ящик стола.

Папка пролежит там четыре года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Тихая ночь

Мама кашляла вторую неделю, и Артём привык.

Кашель был сухой и короткий — будто она всё время собиралась что-то сказать и передумывала. Ночью он шёл через стену, и Артём прибавлял громкость в наушниках. Днём его перекрывал телевизор. Мама говорила, что продуло на остановке, пила горячее молоко с содой и мазала грудь чем-то из синей банки, оставшейся ещё от бабушки.

К врачу она не шла. Бесплатно записывали на месяц вперёд, платно стоило две тысячи. Две тысячи у них были, но не те, которые тратят на то, чтобы услышать «продуло».

Они жили на восьмом этаже, в двушке от бабушки. Отец ушёл, когда Артёму было семь. Не умер, не спился — уехал в другой город и, судя по всему, был там вполне счастлив. Раз в месяц от него приходили деньги, которых хватало ровно на то, чтобы помнить, что он есть.

Артёму было семнадцать. Он не был ни гением, ни изгоем. Он списывал математику у Данила, ел бутерброды с колбасой стоя над раковиной и считал, что жизнь начнётся потом — где-нибудь в другом месте, с другими людьми.

* * *

В тот вечер он сидел в наушниках.

Мама вошла и что-то сказала. Он снял один наушник.

— Кружка, — сказала она. — Третий день стоит.

Кружка действительно стояла. В ней был чай, превратившийся в тёмное зеркало с плёнкой, и в этом зеркале отражался потолок.

— Отнесу.

— Ты вчера говорил «отнесу».

— Ну и отнесу.

— Артём.

Он не обернулся. Если бы обернулся, увидел бы, что она стоит в дверях, держась рукой за косяк. Что лицо у неё серое. Что она пришла не про кружку, а потому, что одной на кухне ей стало страшно, и кружка — первое, что пришло в голову.

Он не обернулся и сказал то, что говорил всегда, когда хотел, чтобы она вышла.

— Может, ты просто сходишь к врачу и перестанешь ныть.

Тетрадь. *Я не хочу это записывать. Записываю, потому что это единственное из того вечера, что я помню дословно. Всё остальное собираю по кускам, как чужое.*

Она постояла.

— Ладно, — сказала она тем голосом, каким говорят «ладно», когда ничего не ладно.

И вышла. Дверью не хлопнула — она никогда не хлопала. Хлопал он.

Артём надел наушник обратно и сделал громче.

* * *

Через полчаса на кухне что-то упало.

Не грохнуло и не разбилось. Упало мягко и тяжело, как пакет с крупой, съехавший с полки. Такой звук слышишь сто раз в год и не встаёшь.

Он не встал.

Он сидел ещё секунд десять. Не потому, что не понял. Потому, что не хотел выходить первым. Мириться должна была она — это ей было надо, чтобы кружка стала чистой.

Тетрадь. *Эти десять секунд — самое дорогое, что у меня было. Я потом отдал за них всё, что нажил. Обратно их не вернули.*

Потом он всё-таки снял наушники.

На кухне было тихо. Слишком тихо для человека, который что-то уронил.

* * *

Она лежала на полу между столом и холодильником. На боку, подтянув колени, как спят.

Первую секунду он подумал: что-то ищет под столом. Глупо, но голова всегда подсовывает самое удобное объяснение, и подсовывает быстро.

Она дышала. Часто и мелко, с тем самым звуком, из-за которого он две недели прибавлял громкость.

Он сел рядом на пол.

— Мам.

Ещё раз:

— Мам.

Потом стал звонить.

Голос в трубке был спокойный, как в справочной. Адрес. Возраст. В сознании? Дышит? Были ли раньше приступы? Аллергия? Артём отвечал и слышал себя со стороны: он отвечал вежливо. Говорил «да, спасибо». Зачем — не понимал, но остановиться не мог.

Мамина рука лежала на линолеуме ладонью вверх. Он взял её. Рука была горячая.

* * *

Скорая ехала сорок минут.

Лифт не работал с сентября. Все к этому привыкли, и Артём привык, и, называя адрес, даже не подумал об этом.

Приехали двое: женщина лет пятидесяти и парень чуть старше Артёма, в куртке не по размеру. Они понесли её на носилках вниз, с восьмого этажа, боком, разворачиваясь на каждой площадке. На пятом остановились перевести дух. Парень поставил свой край на перила, и женщина сказала ему что-то короткое и злое.

Соседка снизу, Зинаида Петровна, вышла на площадку в халате и стояла, прижав руки к груди.

— Господи. Господи, Ирочка.

Работа Артёма была — держать дверь внизу. Он держал её, и вторую, которая всё время пыталась закрыться сама, и

это было единственное полезное, что он сделал за ту ночь.

* * *

В приёмном покое его посадили в коридоре.

Коридор был зелёный снизу и белый сверху. Артём просидел на клеёнчатой банкетке до утра и выучил его наизусть: три плаката про инсульт, объявление про пропуска, огнетушитель, висящий криво.

И кофейный автомат.

Около четырёх утра он сунул в автомат пятьдесят рублей. Автомат их съел и ничего не дал. Артём нажал возврат. Ничего. Ударил ладонью, потом сильнее.

С другого конца коридора на него посмотрела женщина, у которой, судя по лицу, всё было гораздо хуже, чем у него. Он сел обратно.

Минут через десять автомат щёлкнул. Загудел. И налил стакан.

Рядом никого не было.

Стакан стоял в нише, от него шёл пар. Один в пустом коридоре в четыре часа ночи, и, кроме Артёма, никто даже не повернул головы.

«Сломался», — подумал Артём. Подошёл и выпил.

Кофе был отвратительный.

* * *

В семь утра вышел врач. Состояние стабильное. Оставляют. Нужно обследование. Сейчас ничего не скажут. Езжайте домой.

— А что с ней?

Врач посмотрел на него — не зло, скорее устало.

— Будем смотреть.

Артём поехал домой. В маршрутке было светло, все ехали на работу, у кого-то в пакете звенели бутылки, водитель слушал радио. По радио обещали хорошую погоду.

Дома холодильник гудел, как всегда. На столе у монитора стояла кружка с чёрным зеркалом внутри.

Он отнёс её на кухню и вымыл.

Потом сел за кухонный стол и стал вспоминать, из-за чего они поругались. Не слова — слова он помнил. Причину. Настоящую, с которой всё началось.

И не вспомнил.

Решил, что просто устал.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Глюк

Её выписали через четыре дня.

Нашли, конечно, что-то: «изменения в лёгких», «требуется дообследование», «показана КТ». Направление дали на листочке. Мама положила листочек в шкатулку к квитанциям, и там он стал одним из многих.

По полису КТ было бесплатно, но очередь — до декабря. Платно — четыре семьсот.

— Подождём, — сказала мама. — Куда оно денется.

И в понедельник вышла на работу: за пропуски у них срезали премию.

Кашель остался. Просто теперь у него был номер в очереди.

* * *

Вечером она смотрела сериал.

Сериал шёл по будням в восемь, и она смотрела его семь лет. Строго говоря, сериалов было несколько, одни кончались, начинались другие. Но для Артёма это всегда был один и тот же: там были одни и те же люди и делали одно и то же.

Женщина по имени Марина. Мужчина, который её обманывал. Другой, который не обманывал, но она об этом не знала. И сестра, которая всё портила.

Мама садилась в кресло — так, чтобы видеть и экран, и плиту, — ставила чай на табуретку и складывала руки на жи-

воте.

И всё. Час.

Артём сидел у себя. Иногда выходил — за хлебом, за водой — и застревал в дверях. На экране Марина стояла и молчала так, что понятно: сейчас что-то будет. Он не собирался смотреть на Марину. Стоял и смотрел. Потом злился на себя.

Мама не оборачивалась. Она ни разу за семь лет не позвала его смотреть. Только чуть сдвигала табуретку, освобождая угол дивана.

Он садился.

— Это Марина, — говорила мама, не отрываясь от экрана. — Она сейчас думает, что он ей изменил.

— А он изменил?

— Нет.

— А чего она думает?

— Сестра сказала.

— А сестра зачем?

— Артём, ты смотреть будешь или нет.

* * *

Один раз, год назад, он спросил, зачем она это смотрит. Спросил гадко — так, как спрашивают в шестнадцать, когда всё, что делают родители, кажется доказательством того, что они плохо распорядились жизнью.

Она подумала.

— А что мне ещё смотреть.

— Ну не знаю. Что-нибудь нормальное.

— Покажи что-нибудь нормальное.

И он понял, что показать нечего. Он не знал, что ей может понравиться. Ему никогда не приходило в голову, что ей вообще может что-то нравиться — отдельно от них.

— Ладно, смотри, — сказал он.

— Ну и всё, — сказала она.

* * *

В тот вечер, после выписки, всё было как обычно. Кресло. Чай на табуретке. Руки на животе.

Каждые пять минут она коротко кашляла в кулак и говорила «ой, извини» — не ему, никому, в комнату.

Марина на экране узнала про сестру.

— Ну наконец-то, — сказала мама. — Семь лет до неё доходило.

Потом:

— Тём, там пельмени. Погрей себе, я не буду.

Он грел пельмени и слушал, как за стеной она кашляет под музыку из заставки.

* * *

Данил был умный. Не «хорошо учился» — таких в классе было полкласса, — а именно умный, той породы, которую сразу видно и за это сразу не любят.

Он писал код с четвёртого класса. Писал, как другие дышат, не замечая, что делает что-то особенное. Артём как-то спросил, зачем ему это. Данил не понял вопроса.

— В смысле — зачем?

Длинный, сутулый, в очках, которые вечно съезжали. Он поправлял их костяшкой пальца, потому что руки были заняты. И он всё всем объяснял. Всегда, всем, подробно. Ему казалось, что, если объяснить, люди поймут.

Он был единственным другом Артёма. Пять лет давал списывать математику и ни разу не попросил ничего взамен.

* * *

За спортзалом лежали бетонные плиты.

Их завезли ещё при Союзе под какую-то пристройку, которую так и не начали. Плиты вросли в землю, по щелям пробилась трава. Сидеть на них можно было с сентября по ноябрь и с апреля. Зимой примерзаешь.

Место было лучшее в школе: со стороны окон не видно, с дороги не видно, и ходить туда было незачем никому, кроме них.

Кипяток брали в столовой из титана. Титан был жёлтый, из крана текло тонко и долго, стакан приходилось держать на весу, и повариха каждый раз говорила: «Только не тут». До плит было метров восемьдесят. Шли быстро, перекидывая стакан из руки в руку, и доносили его ровно такой температуры, чтобы можно было есть.

Данил всегда брал лапшу с курицей. Артём однажды спросил почему, и Данил объяснял всю дорогу от титана до плит, с самого начала и обстоятельно. Причина была не во вкусе, а в чём-то другом.

Артём не запомнил.

* * *

В тот день Данил сидел на плите, поставив стакан на колено, и объяснял рекурсию.

— Это когда функция вызывает сама себя. Представь лестницу. Ты не идёшь по ступенькам. Ты говоришь: спустись на одну и сделай то же самое. И всё. Оно само.

— Ну и?

— Как «ну и»?

Он не злился. Данил вообще не умел злиться. Он впадал в лёгкое отчаяние каждый раз, когда объяснял Артёму что-нибудь красивое, а тот говорил «ну и». Взял палку и стал рисовать на земле квадраты. Рисовал минут пять и говорил всё быстрее, очки съезжали, он поправлял их костяшкой, потому что пальцы были в лапше.

Артём не слушал.

По дорожке за углом спортзала шли к остановке девчонки из «Б». Одна была в куртке цвета мокрого асфальта, в которой её почти не было видно. Артём смотрел на куртку.

— Ну? Понял теперь?

— Угу.

Данил посмотрел на него. Потом туда, куда смотрел Артём. Потом снова на него.

Ничего не сказал. Пожал плечами, стёр квадраты ботинком и стал есть.

* * *

Минут через двадцать на дорожке показался взрослый в

рабочей куртке, с сумкой через плечо.

— Батя, — сказал Данил и почему-то покраснел.

Отец Данила работал на заводе в ремонтном цехе и был единственным взрослым, который знал про плиты. Знал, потому что сам когда-то учился в этой школе. Он подошёл и кивнул Артёму, как кивают взрослые, когда рады, но показывать этого не хотят.

— Обедаете, значит.

— Мы уже, — сказал Данил.

Отец достал из сумки фотоаппарат. Старый, плёночный, тяжёлый, с кожаным ремнём.

— А ну сядьте, как сидели.

— Пап.

— Сядьте, говорю. Плёнка кончается, кадр остался.

Они сели, как сидели: Данил со стаканом на колене, Артём рядом, с лапшой на вилке. Щёлкнуло. Аппарат зажужжал, перематывая плёнку.

— Всё, — сказал отец. — Пошли, Дань, мать ждёт.

Через две недели Данил показал Артёму карточку — бумажную, глянцевую, десять на пятнадцать. Двое на бетонных плитах. Артём на ней получился с открытым ртом. Данил сказал, что это лучшая фотография в его жизни, и убрал её в учебник алгебры, между последней страницей и обложкой.

Больше он её никому не показывал.

* * *

Кирилл был не тупой здоровый урод. Будь он таким, всё

было бы просто: здоровых тупых уродов не любят даже другие уроды.

Кирилл был лёгкий. Смешной. Обаятельный так, что учителя ставили ему четвёрки за улыбку. Он умел придумать одну фразу — одну, короткую, — от которой класс лежал неделю. Талант у него был настоящий, и весь этот талант уходил на то, чтобы не спеша, с удовольствием разбирать человека на детали.

В тот год он разбирал Данила.

Началось в октябре, на информатике. Учительница спросила Данила, тот, как всегда, на секунду замер, прежде чем ответить.

— Тихо, — сказал Кирилл на весь класс. — Грузится.

Класс засмеялся. Потому что это была правда: Данил действительно подвисал. Кирилл всегда попадал в то, что есть на самом деле, и от этого не было защиты.

Неделю Данил «грузился» — когда думал, когда молчал, когда просто шёл по коридору.

Потом Кирилл заметил вторую сторону. Данил не только подвисал. Он ещё и объяснял — подробно, всем, кто не успел отойти.

— Всё, — сказал Кирилл на перемене, когда Данил начал объяснять кому-то задачу. — Грузит. Сначала грузится, потом грузит. Полный цикл.

Из двух глаголов за пару дней сложилось «Грузило». Тяжёлое, тупое, идёт на дно. Кирилл произносил это с ударе-

нием на «и», нараспев, как кличку пса со двора.

А к концу ноября «Грузило» обтёрлось до «Грузи».

Вот тогда стало по-настоящему плохо. «Грузило» говорил Кирилл и его компания. «Грузю» говорили все. Девочка с первой парты, которая никогда никого не обижала: «Грузя, дай ластик». Физрук, который не знал, откуда это пошло: «Грузя, на старт». Говорили без злости, почти ласково, как зовут кота.

Данил отзывался. Что ему ещё оставалось.

* * *

Артём тоже смеялся.

Не всегда и не громко. Но смеялся.

Тетрадь. *Это надо записать. Если не запишу, всё дальнейшее будет неправдой.*

* * *

В четверг на перемене Кирилл прошёл мимо парты Данила и повёл локтем.

Не толкнул, не ударил. Повёл локтем, и всё выглядело как случайность, и он сразу сказал: «Ой, извини». Ноутбук упал на пол углом. Крышка с тех пор так и не закрывалась.

Данил опустился на колени и стал собирать.

Класс смотрел. Двое снимали.

Артём стоял у окна в двух метрах и смотрел на улицу. На улице ничего не было: ноябрь, машины, мокрый асфальт.

Артём разглядывал этот асфальт так внимательно, как не разглядывал ничего в жизни.

Когда он обернулся, Данил уже стоял. Посмотрел на Артёма — без обиды, ничего не сказал. Ни в тот день, ни потом.

Посмотрел секунду и пошёл на алгебру. Ноутбук он нёс в руках, раскрытым, как поднос.

* * *

Дома у Артёма дёргался курсор.

Уже недели полторы. Сначала Артём думал на мышь. Почистил датчик ватной палочкой. Переустановил драйвер. Потом выдернул мышь и убрал в ящик — курсор дёрнулся ещё два раза за вечер. Решил, что монитор.

Компьютер был старый, отцовский, и гудел, как холодильник. В нём вечно что-то ломалось.

* * *

В пятницу вечером он лежал на кровати в наушниках.

Трек играл по кругу третий раз. Какой — он не скажет никогда, это стыдно. На третьем повторе он подумал:

«Заткнись».

Трек замолчал.

Артём лежал ещё секунд двадцать. Потом снял наушники и посмотрел на экран.

Плеер стоял на паузе. Курсор был на кнопке.

Он не трогал ни клавиатуру, ни мышь. Мышь лежала в ящике с прошлого вторника.

* * *

Он сидел очень тихо и очень долго.

Первое, что он почувствовал, — не восторг и не страх. Неловкость. Будто подсмотрел то, чего не должен был, и сейчас его застукают.

Потом подумал: «Играй».

Заиграло.

«Тише». Стало тише. «Громче» — в наушниках рвануло так, что он сорвал их с головы и швырнул на кровать.

Он включал и выключал трек раз пятнадцать подряд. Как ребёнок, который щёлкает выключателем в подъезде, пока не наорут.

Потом пошёл на кухню и выпил воды.

Руки не дрожали. Это было самое странное за весь вечер. У него совершенно не дрожали руки.

* * *

За стеной кашляла мама.

Артём стоял в тёмной кухне со стаканом, слушал, как она кашляет, — и думал не о ней.

Он думал про кофейный автомат.

Полсекунды, не больше. Мысль мелькнула и ушла: больница, четыре утра, стакан в пустом коридоре. Он даже мотнул головой. При чём тут автомат.

Автомат был ни при чём. Это он знал точно.

Он вымыл стакан, поставил на сушилку и пошёл спать.

Спал он в ту ночь плохо. Но не от страха.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Проверка

Те выходные Артём не выходил из комнаты.

Мама решила, что он влюбился. Приносила чай, ставила на край стола и говорила «ну-ну» с таким лицом, будто всё поняла. Один раз постояла в дверях и сказала, что если он хочет кого-нибудь привести, то пусть приводит, а она посидит у Зинаиды.

— Некого мне приводить.

— Ну-ну, — сказала мама.

* * *

Сначала надо было убедиться, что это не совпадение.

Он включал и выключал музыку сорок минут подряд, пока не надоело. Потом лёг на кровать, заложил руки за голову и стал переключать каналы на маленьком телевизоре в углу. Руки держал под головой нарочно — как будто кто-то смотрел и мог решить, что он жульничает.

Никто не смотрел. Руки он всё равно не вынимал.

Потом стал открывать и закрывать файлы. Потом полез в настройки и переключил язык системы на китайский. Вернуть обратно не смог: не понимал, куда жать. Всё было на месте — меню, кнопки, окна, — только ни одно слово не читалось, и он тыкал наугад, а система вежливо открывала ему не то.

Его разобрал смех. Он лежал лицом в подушку и ржал минут пять. Всемогущий человек, который не может найти кнопку.

Найти её помог в итоге телефон: сфотографировал экран, перевёл, нажал. Руками.

* * *

В два часа ночи он сидел на полу перед компьютером и разговаривал с ним вслух.

— Ну давай.

— Ещё раз.

Один раз он сказал ему «спасибо» и сам испугался.

Тетрадь. *Это была лучшая неделя в моей жизни. Без всякого второго смысла. Просто лучшая.*

* * *

Правила он вывел за три ночи и решил, что теперь знает про себя всё.

Первое — усталость.

Через полтора часа начинала болеть голова. Не сильно, как после долгого чтения в маршрутке. Если продолжать через боль, всё начинало срываться: он думал «стоп», а не останавливалось. В субботу он довёл себя до того, что монитор минут пять мигал сам по себе. Артём лежал на кровати и не мог его выключить: от одной мысли о том, чтобы что-то сделать, мутило.

Он решил написать Данилу. Не про это — просто написать, чтобы не быть одному.

И не вспомнил номер.

Номер он знал четыре года. Диктовал его на спор, с закрытыми глазами. А тут — пусто, ровное место. Секунд через десять номер нашёлся сам, и Артём даже хмыкнул.

От усталости и не такое бывает.

* * *

Второе — злость.

Когда он злился, получалось резче и дальше.

Это вышло в воскресенье. Мама постучала и спросила, будет ли он есть, а он как раз ловил одну штуку на экране и разозлился так, как злятся только в семнадцать, — коротко и от всей души.

Разом включились колонки, телевизор и монитор. Колонки на полную.

Мама открыла дверь.

— Это что было?

— Глюк.

— Выключи всё и иди ешь.

Он пошёл есть. Сидел на кухне, ел макароны с сосиской и думал: если злость — топливо, то топлива у него много.

Мысль ему понравилась. Опасной она не показалась. Ему было семнадцать, злиться было приятно, а теперь за злость ещё и платили.

Третье — страх. Страх глушил всё наглухо. Это он узнал

вечером того же воскресенья.

* * *

Но сначала была ложка.

Он положил её на стол, сел напротив и стал смотреть. В кино в такие моменты морщат лоб. Он тоже морщил. Хотел, чтобы она сдвинулась хоть на миллиметр, и думал об этом так сильно, что заболели глаза.

Ложка лежала.

Карандаш лежал. Лист бумаги — лёгкий, ему-то что стоит — лежал. Форточка не открылась. Муха, которая жила у них с сентября и никак не умирала, сидела на шторе. Он смотрел на неё минут десять. Потом она улетела — сама, потому что муха, потому что надоело.

Тогда он решил, что дело в проводах: где провод, там слушается.

Неправда. На кухне висела лампа — обычная, с грушей, на шнуре. Ток в ней был. Артём сидел под ней и шёпотом говорил «гасни», как дурак.

Лампа горела.

А телевизор, стоявший в двух метрах, вырубался с полумысли.

Он долго сидел на кухне под этой лампой. Разница была не в проводе. Внутри телевизора кто-то сидел — не человек, конечно, а маленькая тупая штука, которую люди научили слушаться. Ей можно было сказать. Для этого её и сделали.

А лампе сказать было нечего. Лампа ничего не решала.

Она грела спираль, как грела бы и сто лет назад, и ей было всё равно, что он о ней думает.

Тетрадь. *Ложка, муха, форточка, дерево, вода, лёгкие моей матери — всё это было для меня одинаково глухо. Внутри ничего из этого нет никого, кто мог бы сказать «да». Это первый мир, старый.*

А поверх него лежит второй, тонкий, как плёнка на остывшем чае. Экраны, счета, замки, камеры, оценки, деньги, чужие голоса в наушниках. Люди его построили, договорились считать настоящим и переселились туда почти целиком.

Мне дали ключи от второго. Тогда мне казалось, что других ключей не бывает.

* * *

В воскресенье вечером он вышел на лестничную площадку. Проверить, кончается ли это за порогом.

Над площадкой висел светильник с датчиком. Их поставили три года назад, весь подъезд скидывался по триста пятьдесят рублей. Работал он, как все вещи, купленные вскладчину: загорался от чиха на седьмом этаже и не загорался, когда стоишь прямо под ним с сумками и орёшь.

Артём посмотрел на датчик. Маленькая тупая штука в пластиковом намордник целыми днями решала: горит, не горит.

Ей можно было сказать.

«Гори».

Свет загорелся — ровно, спокойно, как не горел ни разу за три года.

По спине у Артёма прошла волна. Ничего похожего у него не было ни до, ни после.

«Погасни».

И погасло. Везде.

* * *

Приказ не удержался на датчике. Соскочил с него и пошёл дальше, в щиток, где кто-то когда-то поставил коробку, чтобы снимать показания и при случае обесточивать весь подъезд с пульта. Про коробку Артём не знал. А она услышала и сделала то, для чего её повесили.

Подъезд ухнул в темноту сверху донизу.

За тремя дверями разом замолчали телевизоры. Внизу заплакал ребёнок. На пятом открылась дверь, и мужской голос сказал в темноту слово, которое не пишут.

Артём вжался спиной в стену у своей двери.

«Включись. Включись. Включись».

Ничего.

Он был не злой. Он был перепуганный до трясучки, а страх, как выяснилось, глушит всё.

На четвёртом щёлкнул фонарик. Луч пополз по стене вверх, по перилам, по ступенькам.

Артём нащупал ручку, вошёл к себе и закрыл дверь очень

тихо.

* * *

Свет дали через сорок минут.

Всё это время он сидел на кровати в куртке. Слушал, как ходят по лестнице, как кто-то звонит в аварийку, как Зинаида Петровна кричит через дверь соседке, что это опять проводка и что она давно говорила.

На него не подумал никто. Никому в голову не пришло, что подъезд может погасить мальчик с восьмого этажа. Мальчики с восьмого этажа так не умеют. Так не бывает.

Он лежал и слушал, как сорок человек объясняют себе его силу плохой проводкой.

* * *

Ночью он полез в интернет.

Вбивал в поиск осторожное — «управление электроникой силой мысли», — потом всё отчаяннее.

Нашёл форум, где мужчина по имени Аркадий восемь лет вёл дневник: его микроволновка отвечала ему на вопросы. Честно, писал Аркадий, но неохотно. Ему сочувствовали.

Нашёл курсы по работе с энергетическими вихрями за девять тысяч.

Нашёл ролик, где парень гнёт вилку взглядом. В комментариях ему объясняли, откуда в рукаве вторая вилка.

Артём закрыл ноутбук и сидел в темноте.

Рассказать было некому. Тот, кто в такое поверит, — сумасшедший. А нормальный решит, что сумасшедший Ар-

тём. Между этими двумя вариантами не было ничего.

Тетрадь. *Я думал, что власть — это когда ты можешь. Оказалось, власть — это когда тебе не отказывают.*

Машина не спорит. Не спрашивает «а зачем тебе», «а ты подумал». Не смотрит на тебя так, как смотрела мама, когда я просил на кроссовки. Машина просто делает.

К этому привыкаешь быстрее, чем успеваешь заметить. И начинаешь ждать того же от людей.

* * *

В понедельник они с Данилом сидели на плитах.

Было холодно, лапша грела руки через стакан. Данил рассказывал про задачу, которую решал третью неделю, и глаза у него блестели, как всегда, когда он про это говорил. Артём смотрел на его руки — красные, с обкусанными ногтями — и на трещину в стакане, и слушал через слово.

Данил остановился.

— Ты слушаешь вообще?

— Слушаю.

— Ты сегодня странный.

Артём открыл рот.

«Дань. Я умею одну вещь. Не знаю, что это и откуда. Мне страшно. Пойдём ко мне, я покажу».

Ему понадобилась ровно секунда, чтобы этого не сказать.

* * *

Объяснял он себе это потом по-разному. Что Данил бы не поверил. Что решил бы, что это издёвка. Что полез бы разбираться, а разбираться не хотелось. Что он берёг Данила.

Враньё. Он знал это уже тогда, на плитах, со стаканом в руках.

Впервые в жизни у него было то, чего не было у Данила.

Данил писал код с четвёртого класса. У Данила была олимпиада, будущее и отец, который им тихо гордился. У Артёма были тройки, колбаса над раковиной и мать, которая кашляла в очередь до декабря.

Теперь он лежал по ночам и знал: он может больше. Больше Данила. Больше всех, кого видел.

Он не рассказал не из осторожности. Из жадности.

— Нормально всё, — сказал он. — Не выспался.

Данил кивнул и снова заговорил про задачу. Артём доедал лапшу, грел руки о стакан и был, наверное, самым счастливым человеком в городе.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Радиус

Оно росло.

Не рывком, как в кино, где герой просыпается другим человеком. Оно росло, как растёт трава: не видишь, а уже по колено.

В понедельник Артём доставал до конца своей комнаты. К четвергу — до кухни через стену. В субботу он лежал у себя, а на площадке загорался и гас датчик.

Он мерил это шагами. Выходил во двор, отходил от подъезда и проверял, докуда достаёт. Как мальчишка с рогаткой — добьёт до того фонаря или нет.

К концу ноября доставало метров на тридцать. Дальше он мерить перестал. Тридцать метров — это вагон, автобус, класс. Везде, где есть люди.

* * *

В школе на входе стояли турникеты.

Их поставили в сентябре, по карточкам, и с сентября они не работали как надо. Карточка то срабатывала, то нет, и каждое утро у входа собиралась очередь: кто-то прикладывал карточку в пятый раз, кто-то звал охранника, охранник выходил из будки и открывал вручную, ругаясь.

В тот вторник Артём опаздывал. Он приложил карточку. Красный. Ещё раз. Красный. За спиной сопели.

— Да что ж такое, — сказал охранник и пошёл к будке.

Артём разозлился.

Щёлкнуло сразу везде. Все одиннадцать турникетов разом провернулись и встали открытыми. Очередь секунду стояла, не веря. Потом пошла — сначала осторожно, потом бегом, с визгом, младшие проскакивали по двое.

Охранник стоял посреди холла с ключом в руке.

Артём прошёл со всеми, не оглядываясь. Было восемь четырнадцать.

Турникеты простояли открытыми до обеда. Приезжал мастер, ничего не нашёл.

* * *

В первый раз в метро он спустился просто так.

Ничего не собирался делать. Спустился на «Строителей», встал на платформе — и будто из тишины шагнул в набитую комнату, где все говорят одновременно.

Он услышал гул.

Ушами было обычное метро: объявления, поезда, шарканье, чей-то смех. А под этим — ровный, плотный, живой гул, как радио между станциями. Только не пустой. Он состоял из кусочков, и каждый кусочек был чей-то.

Артём простоял на платформе минут пять. Дальше, за краем, гул уходил ещё куда-то, и было слышно, что там продолжается, но дотянуться можно было только до того, что рядом. Как через стену: разговор слышно, а двери нет. Слово для этого он найдёт позже.

Подошла женщина в оранжевом жилете.

— Молодой человек, вам плохо?

— Нормально.

Видимо, он выглядел как человек, которому очень плохо.

* * *

Потом подошёл поезд. Он вошёл, сел, огляделся — и полез.

Он потом не делал вид, что боролся с собой. Не боролся.

Парень напротив: капюшон, лет двадцати. Он писал девушке. Двенадцать сообщений подряд, каждое чуть отчаяннее предыдущего. Последнее: «просто скажи что-нибудь». Она не открывала.

Лицо у парня было скучающее. Такое лицо у всех в метро.

Женщина с сумкой на коленях искала в телефоне: «как понять что ребенок не хочет жить».

Мужчина в хорошем пальто двигал разноцветные шарики в игре. Между шариками ему приходило: «Сергей Петрович, последнее предупреждение». Он смахивал и играл дальше.

Девочка младше Артёма сделала тридцать четыре селфи и удалила все тридцать четыре, одно за другим.

Человек у двери написал: «мам я больше не могу». Не отправил. Стёр. Написал: «мам всё нормально, привет».

Это отправил.

* * *

Артём вышел на своей станции, поднялся наверх и сел на бордюр у выхода.

Он думал, что люди цельные. Что внутри у них то же, что снаружи, только гуще. Что взрослые — взрослые, уверенные — уверены, а у людей в хороших пальто всё хорошо.

Он думал, что один он такой. Трус, который смотрит в окно, пока друга разбирают на части. Что остальные как-то договорились и знают что-то, чего не знает он.

А у всех было одно и то же. Страх. Враньё. «Мам, всё нормально».

Тетрадь. *Из этого можно было сделать два вывода. Что люди — до смерти напуганные существа, которые изо всех сил держат лицо, и их надо жалеть.*

Или вывод, который сделал я. Все врут. А раз все врут, ничего особенного я не делаю.

Тогда я сидел на бордюре и чувствовал внутри что-то большое и тёплое, и мне казалось, что это сострадание. Это было разрешение.

* * *

Через три дня он поехал кататься. Без дела, от конечной до конечной.

Говорил себе, что изучает радиус. Что это работа.

Ждал, что станет стыдно. Прислушивался к себе, как к зубу: болит, не болит.

Не болело.

К четвёртой поездке он выбирал людей по лицам: у этого

наверняка что-то есть. Почти всегда было.

К шестой стало скучно. Чужие жизни надоели ему за неделю.

* * *

На «Заводской» вошла женщина лет семидесяти, в синем берете, с матерчатой сумкой. Из сумки торчал батон. Она держала телефон двумя руками, как держат стакан с кипятком, и говорила.

Артём услышал её раньше, чем увидел: в её трубке говорил кто-то очень уверенный и очень ласковый.

Он влез.

— Валентина Игоревна, вы молодец, вы всё делаете правильно. Сейчас придёт код, его нужно назвать. Только не кладите трубку. Вы разговариваете со службой безопасности банка.

Код пришёл. Четыре цифры.

Она начала читать:

— Семь…

Артём оборвал звонок.

Он не знал, что так умеет. Он просто очень захотел, чтобы этот голос замолчал.

— Алло? — Она посмотрела на телефон. — Алло?

Стала перезванивать. Он оборвал опять. Она набрала третий раз — он убил ей сеть до нуля. Она трясла телефоном, подносила его к окну, как трясут градусник.

— В тоннеле не ловит, — сказала ей соседка.

— Ой, а мне срочно надо, — сказала Валентина Игоревна. Лицо у неё было испуганное и виноватое.

Она вышла на «Восточной». Злая на телефон, на метро, на связь — на всё, кроме тех, кто её грабил.

Артём сидел и чувствовал себя так, как не чувствовал никогда.

* * *

Он её спас. И она не узнает. И никто не узнает.

Только по дороге домой ему пришло в голову другое. Можно было встать и сказать вслух, на весь вагон: «Женщина, это мошенники». Три слова. Ртом, как человек человеку.

Это ему даже в голову не пришло. Он семнадцать лет боялся заговорить с незнакомыми. Залезть в чужой телефон оказалось проще, чем открыть рот.

Тетрадь. *Это не сила. Это трусость, которой выдали инструмент.*

Но тогда он этого не записал. Тогда он лежал дома и думал, что это лучшее чувство в его жизни.

* * *

Ночью он лежал и думал.

Если он может оборвать звонок, значит, может и не обрывать. Значит, каждый раз, когда он не лезет, он тоже решает.

Раньше в вагоне сидел мальчик, который ни за что не отвечал. Теперь сидел мальчик, который каждую секунду выбирал: спасти или нет. И то, что девяносто девять раз из ста он не делал ничего, тоже было выбором.

Взрослые называют это ответственностью и говорят, что это тяжело.

Ему было хорошо. Как будто его первый раз в жизни о чём-то спросили, а не решили за него.

* * *

Дома мама грела ужин.

— Где был?

— Гулял.

Она поставила тарелку и между делом, как говорят о погоде, сказала, что звонили из поликлиники. Аппарат сломался, КТ переносят с декабря на февраль, всех переносят.

Она села напротив. Они ели. Она кашляла в кулак, извинялась и снова кашляла.

Артём думал одну мысль, и потом ему было стыдно, что именно эту.

Он оборвал звонок незнакомой женщине через половину вагона.

Какого чёрта он сидит, ест макароны и ждёт февраля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.